

МАКСИМИАН

Надежда Паршуткина

ИДЕАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

Максимиан —
Идеальное подчинение

«Литнет»

2026

– М.

Идеальное подчинение / М. – — «Литнет», 2026

Что делать, если твоя истинная — крестьянка, которая мечтает сбежать?
Что делать, если твой жених — дракон, который не хочет тебя видеть? В
Академии для строптивых невест их свела судьба. Но сможет ли ненависть
перерасти в доверие? И что будет, когда метка потребует своё? Книга доступна
в печатном варианте

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Визуализация героев	13
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	41
Глава 14	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

Месяц отпуска. Чёрт возьми, целых месяц, который я выгрыз зубами у командования после годичной кампании на восточных рубежах.

Я представлял, как проведу их в родовом поместье. До мельчайших подробностей представлял.

Камин в большой гостиной — тот самый, из чёрного мрамора с прожилками золота, который топили только по-настоящему холодными вечерами. Старый виски из дубовой бочки, выдержанный тридцать лет, с горьковатым привкусом дыма и карамели. Запах соснового леса за окном — влажный, хвойный, живой. И абсолютная, блаженная, ничем не нарушаемая тишина. Без звуков боевых рогов, без лязга мечей, без предсмертных хрипов и команд, которые надо отдавать, даже когда горло срывается в кровь. Тишина. Покой. Ничего не делать ровно целый месяц.

Мои иллюзии разбились на второй день. На первый день они ещё были милы. Мама плакала мне в плечо, ощупывала каждую царапину на лице (я уверен, она специально прошлась по мне диагностирующим заклинанием, когда я уснул), отец молча хлопал по плечу и подливал виски. Всё было почти идеально. Почти.

Наутро второго дня я спустился к завтраку в своём любимом домашнем халате — старом, протёртом на локтях, с которым я не расставался лет десять. Волосы, ещё влажные после мытья, распущены по плечам — я даже не стал их заплетать, потому что дома, чёрт возьми, я имею право выглядеть как человек, а не как парадный офицер.

— Кассиан, дорогой, — раздался голос мамы откуда-то сверху, пока я намазывал масло на свежий хлеб. — Ты только посмотри, какой чудный воротничок!

Я поднял голову. Она спускалась по лестнице с мундиром на вытянутых руках. Моим парадным мундиром. Вычищенным, отглаженным, с начищенными до зеркального блеска пуговицами. Поверх мундира лежала белоснежная рубашка с высоким стоячим воротником, а на рубашке — чёрный шейный платок, завязанный сложным узлом.

— Это что? — спросил я, хотя уже всё понял. Кусок хлеба застрял в горле.

— Твой выходной костюм, — пропела мама, вешая всё это на спинку стула напротив меня. — Ты же не поедешь в Академию в том, в чём по дому ходишь?

— Я никуда не поеду, — сказал я, возвращаясь к хлебу. — И вообще, я в отпуске.

В этот момент из кабинета вышел отец. Тоже при параде — в сюртуке с родовым гербом, при часах на золотой цепочке. Он даже усы подстриг, что случалось раз в полгода по самым большим праздникам.

— Я смотрю, ты ещё не одет? — спросил он таким тоном, будто я опоздал на собственную казнь. — Экипаж подадут через час.

— Какой экипаж? — Я отодвинул тарелку. — Отец. Мы же вчера об этом не говорили.

— Мы говорили об этом позавчера, — спокойно ответил он, усаживаясь во главу стола и разворачивая утреннюю газету. — Ты был в конюшне и не слушал. Твоя мать тебе всё объяснит.

Мама, не теряя времени, уже расчесывала мои волосы — я даже не заметил, как она зашла со спины. Гребень скользил по мокрым прядям.

— Кассиан, ну посмотри на себя, — ворковала она. — Волосы распущены, как у девушки. А когда ты в последний раз заплетал их нормально? Ты же блондин, дорогой, у тебя волосы как лён, а ты с ними обращаешься как с соломой. Вот смотри, я тебе заплету как положено...

— Мама, — я попытался увернуться, но куда там. У неё была хватка крепче любого сержанта. — Мама, прекрати. Я серьёзно. Я не поеду ни на какие смотрины.

Она вздохнула. Взяла со стола ленту — тёмно-синюю, под цвет моего мундира — и ловким движением перетянула ею готовую косу. Я даже не понял, как она успела всё заплести.

— Ты весь в мать, такой же упрямый, — сказал отец, не поднимая головы от газеты. Он говорил будничным тоном, будто обсуждал погоду или старую крышу на конюшне, которую пора чинить. А речь шла о моей жизни. О моей свободе.

Я встал из-за стола. Сложил руки на груди. Я выше отца на полголовы — и сейчас использовал каждый сантиметр своего роста, глядя на него сверху вниз. Мне двадцать восемь. Я офицер. Дракон легиона «Крылья Тьмы». Прошедший две войны, шесть карательных экспедиций и одно восстание, которое пытались замять, но оно всё равно вылезло наружу через пару лет. А они говорят со мной как с несмышлёным юнцом, который не знает, куда деть свою драконью природу.

— Я. Не. Поеду. — Каждое слово отдельно. С металлом в голосе, от которого новобранцы бледнеют.

— Поедешь, — отрезал отец, складывая газету и наконец поднимая на меня глаза. Серые, как у всех в нашем роду. — Ты не был дома год, Кас. Целый год. Твои братья уже обзавелись семьями, ты же единственный...

— Не встретил истинную, — закончил за него. В горле запершило от этого слова. Истинная. Сказка для юных драконов, которые верят в судьбу и вечную любовь. — И что с того? Я неплохо живу без неё. У меня есть полк, есть звание, есть...

— Пустота, — тихо сказала мама. Она подошла ближе, взяла моё лицо в ладони. — Я вижу её, сынок. В твоих глазах. Ты думаешь, я не знаю? Ты спишь по ночам? Ты просыпаешься без крика? Ты не ищешь того, кто разделит бы твоё одиночество?

— Я сплю как убитый, — соврал я.

Мама покачала головой, и тут на её глаза навернулись слёзы. Настоящие. Не наигранные. Это оружие она пускала в ход редко — может, раз в несколько лет, когда все остальные способы были исчерпаны. И каждый раз без промаха.

— Ты хочешь, чтобы я умерла, не увидев внуков от тебя? — спросила она, и голос её дрогнул. — Чтобы наша родовая линия прервалась? Твой дар слишком силен, Кассиан. Сильнее, чем у деда. Сильнее, чем у прадеда. Его нужно передать. Драконы нашего рода не могут оставаться одни. Ты сгоришь изнутри, если не найдёшь пару. Не сразу, но сгоришь. И я не хочу тебя хоронить.

Я скрипнул зубами так, что челюсть заныла. Дар. Всегда этот дар. Проклятая магия, что течёт в моей крови ярче, чем у любого из предков. Тёмное пламя, как его называли в древних свитках. Им можно жечь города. Им можно лечить — если знать как. Им можно... уничтожить самого себя, если не найти противовес.

— Я не пойду на ваш «Исправительный Отбор», — процедил я, чувствуя, как дракон внутри начинает ворочаться, недовольный этим разговором. — Даже название звучит как издевательство.

— Академия для строптивых невест, — поправила меня мама, вытирая слёзы. И — о чудо — в её голосе появилась гордость, словно она рекомендовала мне лучшее заведение в столице. — В этом сезоне там лучшие женихи-драконы. Граф Эстель, барон Вэрд, виконт Орлов... и ты, дорогой. Тебя лично пригласили.

— Меня ненавидят, — сказал я прямо. Взял со стола вилку и сжал так, что металл жалобно скрипнул. — Все, кто туда ходил. Все, кто вынужден был туда явиться. Академия невест — это позор для дракона. Это признание того, что ты не смог найти истинную сам, и теперь тебе подают их на блюдечке, как... как...

— Как девушек, которым тоже нужен шанс, — закончила за меня мама. — Многие из них — сироты. Многие — из бедных семей. Академия даёт им образование, кров, стол, и возможность выйти замуж за достойного.

— За достойного, которого к ним приставили по приказу, — усмехнулся я. — Я не хочу стоять перед рядом затравленных девок, как на смотровой, и выбирать себе жену по принципу «сгодится, пока истинная не явилась».

— Никто не говорит о выборе, — вмешался отец. Он встал из-за стола, и я наконец увидел его по-настоящему. Не расслабленного домашнего старика, а главу рода Торн. Того, кто в своё время прошёл то же самое. Того, кто нашёл свою истинную в точно такой же шеренге сорок лет назад. — Сын. Я не прошу. Я говорю как глава рода. Ты поедешь. Ты пройдёшь вдоль шеренги. И если никто не зажжёт твою метку — ты свободен. Как в прошлый раз. Помнишь? Пять лет назад ты вернулся и сказал: «Никого». Мы не заставляли тебя жениться, и сейчас не заставим. Но ты обязан попытаться снова.

Я замолчал. Потому что это было разумно. Чёрт возьми, это было до обидного разумно. Ритуал истинной пары нельзя подделать. Магия рода загорается на девушке, если она — твоя вторая половина. Игнорировать это невозможно. Метка под ключицей не врёт. Она либо загорается, либо нет. Никаких «может быть», никаких «присмотрюсь».

Я выдохнул шумно с вибрацией, которая вырвалась откуда-то из глубины грудной клетки — туда, где сворачивался клубком мой дракон, недовольный, но смилившийся.

— Два дня, — сказал я, поднимая указательный палец. — Вы дали мне два дня отдыха. Всего два. После года войны.

— А потом будешь отдыхать с женой, — мечтательно улыбнулась мама, поправляя мне воротник халата. — Представляешь, как уютно будет вдвоём у камина?

Я только рыкнул по-звериному низко. С такой вибрацией в горле, от которой задребезжали стёкла в серванте, а ложки подпрыгнули на столе. Мама не вздрогнула. Она привыкла. Отец только усмехнулся и потрепал меня по плечу.

— Собирайся, сын. Экипаж через час.

Дорогие мои!

Приглашаю вас в новинку которая пишется в рамках литмоба академия строптивных невест

<https://litnet.com/shrt/bCTz>

Глава 2

Академия встретила меня запахом воска и страха. Тонким, едва уловимым — но от этого ещё более тошнотворным. Я ненавидел этот запах. Он напоминал мне о войне, но не о той, где враг смотрит в глаза. А о той, где враг прячет взгляд. О том, как нас, драконов, ненавидели люди. И как мы платили им той же монетой — высокомерием, холодом, презрением.

Экипаж остановился у главного входа. Я вышел, поправил мундир — мамин воротничок, чёрт бы его побрал, был таким жёстким, что натирал шею. Волосы, стянутые в низкую косу, тяжело лежали на спине. Парадный кинжал на поясе. Сапоги блестят. Вид — как с картинки. Я чувствовал себя идиотом.

Здание Академии возвышалось надо мной — массивное, серое, с колоннами и барельефами, изображающими драконов и их невест. Архитектура в стиле позднего ампира, как сейчас модно. Внутри, я знал, будут высокие потолки, лепнина и непременно портрет основательницы — какой-то герцогини, которая решила, что строптивых девушек надо приручать, а не казнить.

— Лорд Торн, — распорядитель встретил меня в вестибюле. Сухой старик с бланком в руках и пером за ухом. Глаза — водянистые, но цепкие. Оценивающие. — Рад видеть. Прошу за мной. Девушки уже построены.

Построены как солдаты. Я скривился.

Мы прошли через анфиладу залов. На стенах — канделябры с магическими огнями, которые горели ровным золотистым светом. Полы — мраморные, холодные, даже через подошву сапог чувствовался этот холод. В воздухе пахло ещё и розами — приторно, навязчиво. Словно пытались перебить чем-то приятным запах страха. Не получилось.

Главный зал был выдержан в тех же тонах — холодный, величественный, с высокими стрельчатыми окнами, в которые лился серый осенний свет. За окнами кружились первые снежинки, но внутри было тепло — топили печи, я чувствовал запах горящих дров.

Вдоль дальней стены выстроились девушки. Я остановился на входе, давая глазам привыкнуть к освещению. Их было двадцать три. Я пересчитал автоматически — военная привычка. Двадцать три девушки в одинаковых серых платьях. Простых, без украшений, но опрятных. Волосы убраны — у кого в пучок, у кого в косу. Никаких лент, никаких шпилек. Форма как в армии.

Разные. Крестьянки — я видел это по рукам, по осанке, по тому, как они стояли. Дворянки — те держались прямее, но в глазах был тот же страх. Высокие, низкие, худые, с пышными формами. Я скользнул по ним взглядом, не задерживаясь. Ни одна не подняла головы. Они смотрели в пол или куда-то сквозь него. Затравленные все как один.

Я видел этот взгляд слишком часто на войне. У пленных, у тех, кто сдался ещё до боя. У тех, кто знает, что от них ничего не зависит, и остаётся только стоять и ждать. Мне стало тошно.

— Лорд Кассиан Торн, дракон рода Чёрного Пламени, — провозгласил распорядитель, и голос его гулко разнёсся по залу. Девушки вздрогнули. Все. Я заметил это. — Легион «Крылья Тьмы», командир двадцатого отряда специального назначения. Прошу. Ритуал прост: пройдите вдоль шеренги. Метка истинной пары загорится сама, если судьбе будет угодно.

Если судьбе будет угодно!

Судьбе не было угодно пять лет назад. Не будет угодно и сейчас.

Я двинулся вдоль ряда. Медленно. Руки сжаты за спиной — офицерская привычка. Сапоги цокают по мрамору гулко, как удары метронома.

Первая. Опушенные глаза. Ресницы дрожат. Руки сжаты в кулаки. Я прохожу мимо — метка молчит.

Вторая. Чуть выше ростом. Рыжие волосы выбились из причёски. Дворянка — по манерам видно. Не смотрит на меня. Смотрит в стену. Метка молчит.

Третья. Пальцы, сжимающие подол так, что побелели костяшки. На руках мозоли — крестьянка. Ей здесь не место. Она должна быть дома, в поле, а не стоять перед драконом, который выбирает себе невесту как кобылу на ярмарке. Метка молчит.

Четвёртая. Пятая. Десятая.

Ничего. Тишина. Только мои шаги и чужое дыхание.

Я почти улыбнулся. Ещё немного. Сейчас дойду до конца. Последние три девушки — я их почти не вижу, потому что думаю уже о доме, о камине, о виски. Развернусь. Скажу распорядителю: «Благодарю, никого». Скажу отцу: «Я был прав». И улечу в гостиную к камину. К виски. К тишине.

Восемнадцатая. Метка молчит.

Девятнадцатая.

Я делаю шаг и мир останавливается.

Жар. Не снаружи — внутри. Глубоко в груди, там, где спала моя драконья сущность, что-то дрогнуло. Потянулось. Раскрыло глаз. Медленно, лениво, как хищник, который почуял добычу и теперь решает, стоит ли выходить из тени.

Потом — удар. Резкий. Оглушающий.

Метка под левой ключицей вспыхнула — я ощутил это даже через плотную ткань мундира. Жжение. Как раскалённое клеймо. Как будто сама кровь закипела в венах, превращаясь в лаву. В моей голове взорвалось что-то — не звук, не свет, а что-то третье, для чего у человеческого языка нет названия. Дракон внутри меня распахнул глаза полностью и зарычал.

Я замер, словно примерз к мраморному полу.

Где-то справа от меня, в ряду этих серых, испуганных, сломленных девушек, кто-то только что перестал быть никем. Кто-то только что стал всем. Мой взгляд рванулся в сторону источника. Сердце — впервые за долгие годы — пропустило удар.

А потом ударило так, что я слышал его в висках. Я медленно повернул голову. Двадцать первая.

Глава 3

Я стою здесь уже час или вечность. Или всего лишь несколько минут — я перестала понимать течение времени с того самого мгновения, как нас выстроили вдоль этой холодной мраморной стены.

Стена за моей спиной — ледяная. Я чувствую её холод даже через плотную ткань платья. Мрамор пронизывает меня насквозь, забирается под кожу, высасывает тепло из позвоночника. Но я не смею отодвинуться. Не смею пошевелиться. Я прижата к ней так сильно, как будто хочу стать частью этой стены. Раствориться в камне. Исчезнуть.

Пальцы онемели давно. Сжимаю подол с такой силой, что, кажется, сейчас порву грубую ткань. Серое платье — одинаковое на всех нас, двадцать три дыры в одинаковых мешках, выставленные на продажу. Как кур на базаре.

Простите меня, Боги. Но я не умею молиться по-другому. Я не знаю ваших молитв. Я знаю только одну молитву, которой меня научила мать, когда я была маленькой, и заговоры от лесных духов, которые шептала бабка. Надеюсь, хоть кто-то из вас меня услышит.

Я — Ульяна. Двадцать лет. Дочь крепостного. Дочь того, кто всю жизнь гнул спину на княжеской земле. Всё равно чужая собственность. Только раньше я принадлежала княгине Верейской, как корова или курица, а теперь — тому дракону, который ткнёт в меня пальцем и скажет это короткое, как удар ножом, слово: «Эта».

Я не хочу быть «этой».

Я смотрю в пол. Прямо перед собой. На мраморные плиты с серыми прожилками, которые тянутся в разные стороны, как дороги, по которым я никогда не пойду. Если не поднимать головы, можно представить, что меня здесь нет. Что я всё ещё в лесу, среди старых сосен, где пахнет хвоей и прелыми листьями, где земля мягкая и пахнет грибами. Где я бежала так быстро, как никогда в жизни — ветер свистел в ушах, ветки хлестали по лицу, я не чувствовала ни царапин, ни ссадин, только одно — вперёд, только подальше от этого места.

Я бежала, пока лёгкие не стали гореть огнём. Бежала, пока ноги не подкосились. Я споткнулась о корень — старый, узловатый, как пальцы ведьмы — и упала лицом в мох. Мокрый, холодный мох прижался к щеке, и я лежала так, прижимаясь к земле всем телом, и думала: «Только бы не нашли. Только бы не нашли. Я здесь, я маленькая, я спрячусь, я стану частью этого леса, я отращу корни и ветки, и никто меня не найдёт».

Нашли.

Конечно, нашли. Куда я денусь от собак с магическим чутьём? Они бежали быстрее ветра, они чувствуют страх за версту. Драконы не дураки, они не оставляют товар без присмотра. Меня вытащили из мха за шиворот, как котёнка, и посадили в повозку, где уже плакали другие девушки. Кто-то выл в голос. Кто-то молился. Кто-то сидел молча, с пустыми глазами, как я.

Всю дорогу я не проронила ни слезинки. Я смотрела на небо в щель между досками повозки и считала облака. Тридцать семь облаков. Сорок два. Пятьдесят. Потом стемнело, и я перестала считать.

— Смотри, опять этот, — шепчет слева от меня Настя, высокая русая девушка из соседней деревни. Её голос дрожит, как натянутая струна. — Четвёртый уже и всё мимо.

— Молчи, — шиплю я, едва шевеля губами. Даже это маленькое движение кажется опасным. — Не привлекай внимание. Ничего не говори. Стой смирно. Как дерево.

— Как дерево, — повторяет она и затихает.

Справа от меня кто-то всхлипывает. Тонко, жалобно, по-щенячьи. Кажется, та светленькая, из княжеских — дочь обедневшего графа, которую посадили сюда же, потому что её отец задолжал драконам огромную сумму. Теперь она здесь, такая же серая и несчастная, как мы.

Титул не спасает, когда речь идёт о магическом браке. Драконам плевать на гербы и родословные. Им нужно только одно — живой сосуд для магии.

— Седьмой прошёл, — снова шепчет Настя. У неё, кажется, есть привычка считать. Или это просто страх заставляет её цепляться за цифры, как за соломинку. — Седьмой. Никого не выбрали. Может, мы никому не нужны?

— Это хорошо, — отвечаю я, чувствуя, как сухость во рту превращает слова в песок. — Это очень-очень хорошо. Пусть мы будем пустым местом.

Хорошо. Пожалуйста, пусть я буду невидимкой. Пусть я буду пустотой. Пусть моя внешность — этот слишком широкий рот, который мать называла «губастым», и нос который достался мне от деда, и волосы — чёрные, прямые, безжизненные, как у вороны — наконец-то сыграют мне на руку. Пусть драконы смотрят на меня и отводят взгляды. Пусть они ищут красивых. Пусть они забирают Настю с её русыми косами или ту светленькую княжну с фарфоровой кожей, но не меня.

Мать всегда говорила: «Ты не красивая, Ульяна. Но ты добрая. Доброта важнее красоты». Она гладила меня по голове своей шершавой ладонью и смотрела с такой жалостью, что мне хотелось провалиться сквозь землю. Доброта. Что толку в доброте, когда тебя продают драконам, как мешок картошки? Какая разница, добрая я или злая, когда меня выберут не за это?

А отец молчал. Он вообще мало говорил. Только гладил меня по голове своей мозолистой, твёрдой, как кора, рукой и смотрел так, будто прощался. Будто знал, что этот день наступит. Будто всегда знал. Наверное, так и есть. Наверное, все родители в наших деревнях знают. Дочерей растят не для замужества — для драконов.

Я была уверена, что меня не возьмут. До последнего была уверена. Ну кому нужна такая? Невзрачная. Угловатая. Фигура как у подростка — ни груди, ни бёдер, ни плавных линий, которые так любят мужчины. В деревне парни обходили меня стороной. «Страшила», — дразнили в детстве. «Дурнушка», — шептались девки. Я привыкла. Я даже радовалась. Значит, не возьмут в невесты. Кому нужна дурнушка, когда вокруг столько красивых? Оказалось — всем.

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба

Я — непоправимая невеста драконов

Аделаида Дрозд

<https://litnet.com/shrt/e54p>

Визуализация героев

Давайте познакомимся с нашими героями
Ульяна Королёва

Кассиан Торн— офицер легиона «Крылья Тьмы»

Глава 4

Когда приехал указ, что драконам нужно больше девушек, потому что в прошлом году родилось мало магов, и их магия слабеет с каждым поколением, княгиня сама обходила дома и выбирала. Не по красоте. Просто — молодые, здоровые, без увечий. Двадцать три девушки из нашей губернии. Я была двадцать первой.

Мы — энергия. Нас будут использовать как сосуды для магии. Я читала об этом в старых книгах, которые тайком брала в барской библиотеке, пока никто не видел. Сидела там по ночам, дрожа от страха быть пойманной, и читала при свете украденной свечи. Драконы заключают магические браки не для любви. Для силы. Жена-драконица — не жена вовсе. Она — батарейка. Источник. Она отдаёт мужу прирост магии, а взамен получает... что? Крышу над головой? Еду? Жизнь в золотой клетке?

Им всё равно, как мы выглядим. Им важно, чтобы мы были живы и способны рожать новых магов. Личико — не главное.

Я не хочу рожать драконов. Я не хочу, чтобы мои дети родились в этом аду. Я не хочу, чтобы моих дочерей тоже выстроили в шеренгу через двадцать лет.

— Десятый пошёл, — выдыхает Настя, и в её голосе появляется что-то новое. — Светловолосый. Красивый. Очень красивый, Ульяна.

— Не смотри, — приказываю я сквозь зубы. — Я сказала — не смотри. Опустить глаза. Смотри в пол.

Но сама — краем глаза, одним крошечным, непослушным движением — вижу.

Высокий. Очень высокий — выше всех, кто проходил до него. В тёмно-синем мундире с золотыми нашивками, которые поблёскивают при каждом движении. Нашивки на рукавах, на воротнике, на груди — я не разбираюсь в военных знаках, но чувствую: он не простой дракон. Офицер. Тот, кто отдаёт приказы, а не выполняет их.

Волосы светлые — почти белые, как лён в августе — длинные, до плеч, и заплетены в низкую косу. Странно видеть мужчину с косой. Но ему идёт. Чёрт возьми, ему это идёт так, что у меня перехватывает дыхание.

Выправка — как у военного. Спина прямая, плечи развёрнуты, голова поднята. Руки сжаты за спиной — он не смотрит на нас как на людей. Он смотрит как на шеренгу рекрутов. Сапоги начищены до зеркального блеска — я вижу в них отражение свечей.

Он идёт медленно не спеша. Не как предыдущие — те проходили быстро, почти бегом, словно боялись задержаться. А этот идёт размеренно, с чувством собственного достоинства, и каждый его шаг гулко отдаётся в моей груди.

Цок. Цок. Цок.

Сердце бьётся в такт его шагам или мне кажется?

Не смотри. Не смотри на него, дура. Опустить глаза. Ты же не хочешь, чтобы тебя выбрали? Тогда не выделяйся. Будь серой. Будь стеной. Будь пустотой.

Я вжимаю голову в плечи так сильно, что мышцы шеи начинают ныть. Смотрю в пол с такой интенсивностью, что глаза начинают слезиться. В моём поле зрения — только мраморные плиты, только серые прожилки, только мои собственные ботинки, которые уже натирают ноги.

Только бы прошёл мимо. Только бы не остановился.

Он проходит первую. Я слышу, как его шаги приближаются — он идёт вдоль шеренги. Вторая. Третья. Я слышу, как замирает дыхание у девушек, когда он приближается к ним. Как кто-то икает от страха — резко, испуганно, по-детски. Как у стенки справа тихо позвякивает цепочка на канделябре — сквозняк, что ли? Или это у меня в ушах звенит от напряжения?

Цок. Цок. Он уже близко.

Я чувствую запах. Дорогой одеколон — с нотами табака и кожи. И табак — свежий, крепкий, мужской. И ещё что-то... жаркое. Как от печки, которую только что растопили. Драконы всегда пахнут огнём, даже в человеческом обличье. Это мне бабка рассказывала. «Чуешь запах гари, дочка — значит, дракон рядом. Беги».

А мне некуда бежать. Я прижата к стене, и сзади только холодный мрамор.
— Не шевелись, — шепчет Настя так тихо, что я едва слышу. — Он рядом.

Я и не шевелюсь. Я каменная. Я статуя. Я часть этой стены.

Он поравнялся со мной. Я чувствую это — всем телом. Давление воздуха изменилось. Стало труднее дышать. Магия — тяжёлая, плотная, как перед грозой — навалилась на плечи.

Я не поднимаю глаз. Я смотрю на его сапоги. Блестящие, чёрные, с идеальной шнуровкой. Они остановились прямо напротив меня. Носки сапог смотрят в мою сторону.

Он стоит.

Он просто стоит рядом со мной.

Одна секунда. Две. Три.

Я не дышу. Настя не дышит. Кажется, весь зал затаил дыхание.

Он смотрит на меня. Я чувствую его взгляд — тяжёлый, горячий, он буквально прожигает мою макушку. Я смотрю в пол так сильно, что глаза начинают слезиться. Только не поднимать взгляд. Только не смотреть на него. Если я посмотрю — он выберет меня. Я знаю это. Чувствую.

Секунда. Ещё одна.

Потом его сапоги делают шаг. Один шаг. И ещё один. Он идёт дальше.

Я выдыхаю. Выдыхаю так шумно, что Настя косится на меня с ужасом. Но я не могу сдержаться. Где-то внутри разжимается холодный, ледяной кулак, который сжимал мои кишки все эти секунды — с того самого момента, как он остановился.

Он прошёл мимо. Он не выбрал меня. Конечно, не выбрал — кому нужна такая, как я?

Я чувствую облегчение. Такое сильное, что у меня подкашиваются колени. Я прислоняюсь к стене затылком — впервые за всё время позволяю себе расслабиться — и закрываю глаза.

— Он прошёл, — шепчет Настя. — Прошёл, Ульяна. Он даже не выбрал тебя. Стоял и ушёл.

— Слава богам, — выдыхаю я. — Слава всем богам.

Я открываю глаза и вижу распорядителя. Сухой старик с бланком в руках стоит прямо передо мной. Он смотрит на меня поверх очков — водянистые, но цепкие глаза. И в них нет ни жалости, ни сочувствия. Только деловая, будничная констатация факта.

— Двадцать первая, — говорит он. — Ульяна, дочь Фёдора.

— Что? — я не понимаю. Я смотрю на него, хлопая глазами. — Но меня... он прошёл мимо. Он не выбрал меня.

— Лорду не нужно было вас выбирать, — старик поправляет очки. — Метка истинной пары загорелась на вас. Ритуал завершён. Вы — невеста дракона, который только что стоял рядом с вами.

— Нет, — говорю я. — Нет, этого не может быть. Он даже не смотрел на меня. Он просто стоял и ушёл.

— Метка не зависит от взгляда, девушка. Это магия. — Старик терпелив, как учитель, который в сотый раз объясняет прописную истину. — Она загорается сама, когда истинная пара оказывается рядом. Ваша загорелась. Это зафиксировано. Вы пойдёте со мной.

— Я не хочу, — шепчу я. — Я не хочу быть ничьей невестой. Я хочу домой. Пустите меня домой. Пожалуйста. Я не пойду.

— Вы пойдёте, — говорит старик. В его голосе нет жестокости. Только усталость. Он сто раз это видел. Тысячу. — Это не обсуждается. Ваша судьба решена. Идите за мной, девушка. Не заставляйте меня звать стражу.

Я смотрю на Настю. Она плачет. По её щекам текут слёзы, и она не вытирает их.

— Настя, — шепчу я.

— Иди, — шепчет она в ответ. — Иди, Ульяна. Не сопротивляйся. Хуже будет.

Я делаю шаг. Потом другой. Ноги не слушаются — они ватные, чужие, как будто не мои. Старик идёт впереди, не оборачиваясь. Я плетусь за ним, чувствуя на себе взгляды остальных девушек. Кто-то смотрит с жалостью. Кто-то — с облегчением. Кто-то — с ужасом, потому что понимает: следующей может быть она.

Переступаю порог главного зала. Коридор пуст. Я ожидала увидеть его — того, светло-волосого, с косой. Но его нет. Он ушёл. Улетел. Исчез.

Меня встречают только две женщины в серых плащах и распорядитель с бланком.

— Куда мы идём? — спрашиваю я. Голос не дрожит. Я удивлена этим.

— В комнату для невест, — отвечает старик. — Будете ждать распоряжений лорда.

— А он? — я не знаю, как спросить. Не знаю даже его имени. — Он... придёт?

Старик останавливается. Оборачивается. Смотрит на меня поверх очков — и в его глазах мелькает что-то похожее на жалость. Всего на мгновение.

— Лорд уехал, — говорит он. — Он не выбрал вас. Метка загорелась против его воли. Он зол. Я не знаю, вернётся ли он. А теперь идите. Вас ждёт комната.

Я стою в пустом коридоре, смотрю на закрытую дверь, за которой — моя новая жизнь или не жизнь. Клетка.

Глава 5

Меня ведут по длинному коридору. Свечи в канделябрах мерцают, отбрасывая танцующие тени на стены, увешанные портретами. Мои шаги тонут в толстом ковре, но сердце стучит так громко, что, кажется, его слышно во всём здании.

Портреты смотрят на меня со всех сторон. Женщины в пышных платьях с низкими вырезами, с высокими причёсками и надменными лицами. Мужчины в мундирах, расшитых золотом, с орденами на груди. Драконы. Я чувствую это по их глазам — даже нарисованные, они смотрят как хищники. Хищные. Чужие. Опасные.

Я отвожу взгляд. Смотрю прямо перед собой. На спину женщины в сером плаще, которая идёт впереди. Она не оборачивается. Ей всё равно на меня. Я — просто очередная девушка, очередная невеста, очередной товар.

— Сюда, — она останавливается перед массивной дверью из тёмного дерева с бронзовой ручкой. Открывает её. — Это твои покои.

Я замираю на пороге. Комната огромная. Больше, чем вся наша изба в деревне — включая сени и чулан. Стены — нежно-кремовые, с лепниной по углам: завитки, цветы, какие-то женские фигуры. Потолок высокий, с большой хрустальной люстрой, которая переливается в свете свечей тысячами маленьких огоньков.

Пол — паркетный, натёртый до зеркального блеска. На нём лежит толстый пушистый ковёр — бежевый, с длинным ворсом. Я никогда не видела таких ковров. В нашей избе на полу — доски холодные. Мать стелила половики из старых тряпок. А здесь — ковёр, в котором ноги утопают по щиколотку.

Посередине — кровать. Огромная. Под балдахином. Балдахин из полупрозрачной ткани цвета слоновой кости, собран в красивые складки, спадает до самого пола. На кровати — гора подушек. Шесть? Восемь? Я сбиваюсь со счёта. Маленькие, большие, круглые, квадратные — все в наволочках с вышивкой. Одеяло — стёганое, тяжёлое, тоже цвета слоновой кости. Я такой кровати даже на картинках не видела. В нашей деревне спят на деревянных лавках или на печи. А здесь...

Я делаю шаг вперёд. Ковёр щекочет щиколотки. Справа — камин из белого мрамора. Настоящий мрамор — с прожилками, блестящий, прохладный на вид. В камине уже потрескивают дрова, разгоняя осенний холод. Пламя пляшет, отбрасывая тёплые блики на стены. Над камином — большое зеркало в резной золочёной раме.

Слева — две двери. Одна приоткрыта, и я вижу внутри вешалки, полки, ящики — гардеробная. Вторая закрыта. Я заглядываю туда. Медная ванна. Огромная, размером с небольшую лодку, на львиных лапах. Из крана капает вода. Рядом — столик с баночками, скляночками, щётками. Всё блестит, сверкает, пахнет дорогими духами.

— Это... это мне? — мой голос звучит глупо. По-детски. Я слышу в нём ту самую Ульяну, которая босиком бегала по лужам и спала на печи. — Всё это... мне?

— Тебе, — наставница — высокая сухая женщина с пучком седых волос, заколотым серебряными шпильками — смотрит на меня без интереса. Она окидывает взглядом моё серое платье, мои ботинки, мои руки — и я вижу, что она меня оценивает. И не находит ничего достойного. — Ты — избранная невеста дракона. Твоё содержание будет соответствующим. Пока ты учишься в Академии, это твоя комната.

— Учиться? — я оборачиваюсь к ней, забыв про роскошь вокруг. — Чему?

Она поднимает бровь. Очень медленно. Смотрит на меня как на неразумное дитя, которое задаёт глупые вопросы. В её взгляде — превосходство. Она знает что-то, чего не знаю я. И ей нравится это показывать.

— Всему, — говорит она. — Этикету, танцам, магии, ведению дома, кулинарии... — она делает паузу. — И другим наукам, необходимым знатной женщине, чтобы стать достойной парой для дракона.

— Но я не знатная, — говорю я. В горле пересохло. Слова выходят хриплыми, как у больной. — Я дочь крепостного. Я не умею... я ничего этого не умею. Я не умею танцевать. Я не знаю этикета. Я даже вилку в руках держала всего несколько раз в жизни, когда прислуживала за столом княгини.

— Поэтому и будешь учиться, — отрезает наставница. В её голосе нет ни капли сочувствия. Только факты. — Завтра в семь утра ты будешь в учебном зале. Не опаздывай. Опоздания наказываются.

Она разворачивается и идёт к двери. На пороге останавливается, не оборачиваясь.

— Вечером тебе принесут ужин и одежду. Отдыхай. Завтра будет трудный день.

Дверь закрывается за ней с тихим щелчком.

Я остаюсь одна. Одна в этой огромной комнате, где всё чужое. Где пахнет дорогими свечами и лаком для мебели. Где нет запаха печной золы, мокрых валенок у порога и капустного супа, который варится с утра. Где нет матери, которая сидела бы в углу с вязанием и бормотала что-то под нос. Здесь нет ничего моего. Ничего.

Я подхожу к окну. За ним — чужой сад, чужое небо, чужие огни. Где-то там, за этим стеклом, осталась моя деревня. Моя изба. Моя мать, которая, наверное, сейчас сидит у окна и смотрит на дорогу — не идёт ли кто. Мой отец, который не скажет ни слова, только выпьет стакан самогона и ляжет спать. Я никогда их больше не увижу.

Сажусь на край кровати. Перины проминаются подо мной — мягкая, как облако. Я провожу рукой по одеялу. Шёлк. Гладкий, прохладный, скользкий. Слёзы подступают к горлу, комом встают где-то в груди, но я их проглатываю. Сжимаю зубы. Сжимаю кулаки. Не буду плакать. Не буду. Не имею права.

Если я сейчас расплачусь — я сломаюсь. А я не хочу ломаться. Не хочу становиться одной из тех затравленных девок, которые смотрели в пол и дрожали при каждом шаге дракона.

Я не буду!

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба

Магичка для дракона

Алена Литвинова

<https://litnet.com/shrt/vown>

Глава 6

Не знаю, сколько я так сижу. Час. Два. Время теряет смысл. Свечи оплывают, воск стекает по подсвечникам. За окном темнеет — быстро, по-осеннему. Дрова в камине прогорают до красных углей, и в комнате становится тихо. Только потрескивание углей и моё дыхание. Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть. Подскочить на кровати, как испуганную кошку.

— Войдите, — говорю я тихо. Голос садится. Я не пила весь день.

Входят две девушки в белых передниках и кружевных чепцах — служанки, наверное. Одна — румяная, круглолицая, с веснушками на носу. Вторая — постарше, с острыми чертами лица, смотрит строго.

Они несут подносы. Ужин! Аромат доходит до меня раньше, чем я успеваю разглядеть еду. Мясо. Свежий хлеб. Что-то сладкое.

И ещё — коробки. Много коробок. Свёртки. Платья на вешалках — я вижу мельком шёлк, кружева, бархат, атлас. Цвета — зелёный, синий, бордовый, кремовый. Каких только нет.

— Куда поставить? — спрашивает румяная.

— Там, — я показываю на столик у камина — круглый, на резной ножке, накрытый белой скатертью. — Ужин — туда. Одежду — в гардеробную.

Они быстро и ловко раскладывают вещи. Служанки двигаются бесшумно, как мыши. Одна открывает дверцы гардеробной, развешивает платья. Вторая расставляет тарелки на столике.

— Ванна готова, госпожа, — говорит строгая, когда они заканчивают. — Мы налили. Вода горячая. Мыла и масла — на столике. Полотенца — на вешалке.

— Спасибо, — я не знаю, как разговаривать с прислугой. У нас в деревне не было прислуги. — Я... я справлюсь сама.

Они кивают и уходят. Дверь закрывается. Вот теперь я действительно одна.

Я смотрю на ужин. Суп в фарфоровой супнице — поднимаю крышку, и пар ударяет в лицо. Грибной суп, с чем-то белым — сливками, наверное. Я пробую ложку. Горячо. Вкусно. Так вкусно, что у меня перехватывает дыхание.

Мясо с овощами. Какой-то соус — коричневый, густой, с травами. Я не знаю, что это за мясо — никогда такого не ела. Оно тает во рту.

Белый хлеб. Мягкий, свежий, с хрустящей корочкой. Я такого никогда не ела. У нас в деревне хлеб — чёрный, тяжёлый, с отрубями. А этот — воздушный, сладковатый.

Пирожное с кремом — маленькое, в форме сердечка, посыпанное сахарной пудрой.

Я ем. Сначала медленно, пробуя каждый кусочек. Потом быстрее — потому что голодная. Отодвигаю тарелку. Не доедаю. Не могу. Кусок в горло не лезет. После ужина я иду в ванную.

Ванная комната — отдельный мир. Стены выложены белой плиткой, на полу — тёплый кафель. Медная ванна действительно огромная — я могла бы лечь в ней вытянувшись, и ещё осталось бы место. Из крана течёт горячая вода, пар клубится, запотевают зеркала.

Я раздеваюсь, скидываю серое платье на пол — оно падает бесформенной тряпкой. Снимаю нижнюю юбку, сорочку, чулки. Подхожу к большому овальному зеркалу над раковиной и замираю.

Я вижу себя впервые нормально. У нас в деревне было маленькое мутное зеркальце в жестяной оправе — единственное на всю семью. В нём можно было разглядеть только общее пятно: волосы, глаза, нос. А здесь — огромное, чистое, в резной раме. И освещение — свечи с двух сторон, мягкий жёлтый свет.

На меня смотрит девушка с чёрными волосами, распущенными по плечам. Волосы густые, блестящие, падают тяжёлой волной почти до пояса. Они никогда не были такими чистыми — в деревне мы мыли голову золой и яйцом. А здесь...

Лицо. Я всегда думала, что у меня широкий рот, грубый нос, слишком острый подбородок. Мать говорила: «Ты не красивая, Ульяна, зато добрая». Соседки шептались: «Дурнушка выросла, косолапая, рот как лягушка». Парни обходили стороной.

Но здесь, в этом свете, при этих свечах, в этой чистоте я вижу по-другому.

Мои губы — полные, чувственные, с чёткими контурами. Они не широкие. Они красивые. Как у тех дам на портретах — которые смотрели на меня с надменным превосходством.

Глаза — большие, тёмные, с длинными густыми ресницами. В деревне говорили, что у меня «уголья в глазницах», что это некрасиво. А здесь они глубокие, как омут. В них можно утонуть.

Скулы — высокие, чёткие, благородные. Подбородок — острый, но не грубый. Кожа — белая, фарфоровая, без единого прыщика, без веснушек, без красноты.

Я поворачиваюсь боком. Грудь — не большая, но аккуратная, упругая. Талия — тонкая. Бёдра — округлые. Я не угловатая. У меня хорошая фигура. Даже красивая.

— Это я? — шепчу я вслух. — Это... это правда я?

Я касаюсь своего лица пальцами. Кожа гладкая, тёплая. Провожу по скулам, по губам, по шее. Я не дурнушка. Никогда не была дурнушкой.

В деревне ввали. Все ввали. Мать — чтобы я не загордилась? Чтобы не надеялась на лучшую долю? Соседки — из зависти? Парни — потому что боялись подойти?

Я не знаю. Но сейчас, глядя на себя в зеркало, я понимаю: я красивая. По-настоящему красивая. Такая красивая, что могла бы... что? Что это меняет? Меня всё равно продали дракону. Меня всё равно выбрали не за красоту — за метку. Но красивая я или нет — это хотя бы моё. Это то, что у меня никто не отнимет.

Я отворачиваюсь от зеркала. Залезаю в ванну. Вода горячая — почти обжигающая. Опускаюсь в неё медленно, давая коже привыкнуть. Потом окунаюсь с головой. Волосы расплываются по воде, как чёрные водоросли.

Я мою волосы душистым мылом — пахнет розами. Мыло скользит в руках, пенится, пахнет так вкусно, что хочется его лизнуть. Тру кожу мочалкой — мягкой, пушистой, не той жёсткой, какой мылась дома.

Отмокаю в пене, пока пальцы не становятся морщинистыми. Закрываю глаза. Пар поднимается к потолку, капли стекают по лицу. Вода пахнет цветами и чем-то ещё — дорогим, незнакомым.

Я могла бы просидеть здесь вечность. Но вода остывает. Вылезаю, вытираюсь мягким полотенцем — огромным, пушистым, пахнущим лавандой. Иду в гардеробную.

Она размером с нашу горницу. Полки до потолка. На вешалках — платья. Много платьев. Дневные, вечерние, домашние, ночные. Из шёлка, бархата, тонкой шерсти, кружева.

Я провожу рукой по тканям. Пальцы тонут в ворсе, скользят по гладкому атласу.

Выбираю ночную рубашку — тонкую, шёлковую, цвета слоновой кости, с кружевами на груди и по подолу. Она такая лёгкая, что я почти не чувствую её на себе. Она скользит по телу, как вода.

Я смотрю на себя в зеркало — маленькое, на дверце гардеробной. В этой рубашке я выгляжу, не знаю как. Не как Ульяна, дочь крестьянина. Как кто-то другой. Как одна из тех дам с портретов. Как невеста.

Ложусь в кровать. Перины обнимают меня со всех сторон. Подушки — мягкие, пуховые, пахнут лавандой. Я беру одну в охапку, прижимаю к груди. Одеяло — тяжёлое, тёплое, укрывает меня с головой.

Камин почти погас, но угли ещё дышат жаром. В комнате тепло. Тихо. Только моё дыхание и редкие щелчки остывающих дров.

Я закрываю глаза и впервые за несколько дней засыпаю без слёз. Снится мне лес. Сосны. Мох. И чьи-то серые глаза, которые смотрят на меня из темноты.

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба
Драконья невеста. Факультет непокорных
Диана Барокко
<https://litnet.com/shrt/q5hS>

Глава 7

Утром меня будят резким стуком в дверь. Стук громкий, настойчивый, барабанный — такой, от которого подскакиваешь на кровати, даже если спала мертвецким сном. Я вскакиваю, запутавшись в простынях и шёлковом одеяле, и несколько секунд смотрю перед собой ничего не понимающими глазами.

Где я?

Дома?

В лесу?

На повозке, которая везла меня в неизвестность?

Потолок — высокий, с лепниной. Свечи в канделябрах ещё горят, оплывшие, закопчённые. Балдахин над головой колышется от моего резкого движения.

— Подъём! — голос вчерашней наставницы разносится по коридору, проникает сквозь дверь, сквозь стены. — Через полчаса жду тебя внизу. Занятия начинаются. Опоздания не принимаются!

Я слышу, как её шаги удаляются по коридору. Цок-цок-цок — каблуки по паркету. Потом затихают.

Я падаю обратно на подушки. Академия. Я в Академии. Я — невеста дракона. Дракона, которого даже не видела толком. Светловолосый офицер с косичкой, который постоял рядом со мной, посмотрел и ушёл.

Закрываю глаза на секунду. Потом открываю. В комнате светло — за окном уже утро, серое, осеннее, сквозь шторы пробивается мутный свет. Камин погас, в комнате прохладно. Я натягиваю одеяло до подбородка. Не хочу вставать. Не хочу идти на эти занятия. Не хочу ничему учиться. Но надо.

Я сажусь. Свешиваю ноги с кровати. Пальцы упираются в пушистый ковёр. Щекотно.

Быстро умываюсь в ванной — вода из крана течёт тёплая, и это так странно, так непривычно. Дома мы грели воду в печи, таскали вёдрами. А здесь — повернул кран, и течёт. Волшебство или просто деньги. Драконы деньги.

Смотрю на себя в зеркало. Глаза ещё сонные, волосы спутались за ночь — чёрные пряди торчат во все стороны. Но лицо... лицо свежее. Отдохнувшее. Щёки розовые, губы яркие. Спать на нормальной постели — это не на печи.

Я расчёсываю волосы щёткой с серебряной ручкой — нашла её в гардеробной, на туалетном столике. Щётка мягкая, щетина приятно гладит кожу головы. Волосы становятся гладкими, блестящими, падают на плечи тяжёлой волной. Иду в гардеробную.

Платьев много. Я вчера видела только часть. Сейчас, при дневном свете, они кажутся ещё красивее. Бархат, шёлк, шерсть, атлас. Я перебираю вешалки, касаюсь тканей, вдыхаю запахи — лаванда, роза, какой-то другой цветок, не знаю название.

Выбираю простое дневное платье — зелёное, шерстяное, с длинными рукавами и небольшим вырезом. Оно не кричащее, не нарядное. Обычное для занятий.

Одеваюсь. Платье скользит по телу, как вторая кожа. Застёгиваю пуговицы на спине — их много, мелких, и я мучаюсь, пока не застёгиваю последнюю. Платье сидит на мне идеально.

Как будто портной снимал мерки с моего тела. Талия точно на месте, рукава не жмут, подол не волочится по полу. Я поворачиваюсь перед зеркалом — юбка колышется, ткань мягко облегает бёдра. Я смотрю на себя.

Волосы распущены, падают по плечам. Лицо свежее, глаза блестят. Платье подчёркивает талию, делает фигуру ещё изящнее.

Красивая, — думаю я. — Какая же я красивая.

И мне становится грустно от этой мысли. Потому что красота — это товар. Как молоко. Как яйца. Как шерсть, которую мы продавали на рынке. Красота увеличивает цену, но не меняет сути. Я — товар. Меня выбрали не за красоту.

Интересно, а дракон увидит меня в этом платье? Интересно, ему будет всё равно? Я вздыхаю. Заплетаю волосы в простую косу, чтобы не мешались. Выхожу из комнаты.

В коридоре — пусто. Свечи догорели, в канделябрах только лужицы воска. Я иду по длинному коридору, стараясь запомнить дорогу. Налево, потом направо, потом вниз по лестнице. Лестница широкая, мраморная, ступени прохладные даже через подошвы ботинок.

Внизу — ещё один коридор и дверь. За дверью — голоса. Много голосов. Девушки. Я толкаю дверь и вхожу. Нас — пятнадцать.

Пятнадцать девушек в одинаковых платьях — но разных цветов. Моё — зелёное. У кого-то синее. У кого-то бордовое. У кого-то серое. Мы стоим в коридоре перед дверью в большой зал — там, где будут занятия. Кто-то плачет — тихо, в кулачок, чтобы никто не слышал. Кто-то перешёптывается, склонив головы друг к другу. Кто-то смотрит в пол пустыми глазами — такими же, как у меня вчера.

Я встаю в конец шеренги. Рядом со мной — никого. Я одна. Как будто вокруг меня невидимый круг.

— Ты новенькая?

Голос — справа. Я поворачиваю голову. Ко мне подходит девушка с рыжими кудрями, собранными в высокий хвост. Веснушчатая, с добрыми глазами цвета лесного ореха. Она улыбается — неуверенно, но искренне. Первая улыбка, которую я вижу в этом месте.

— Я Лиза, — она протягивает руку. Яжимаю — ладонь тёплая, сухая, с мозолями на пальцах. У неё тоже руки работали. Она не из знатных. — Меня выбрали три дня назад.

— Ульяна, — говорю я. — Меня вчера.

— Я знаю, — Лиза кивает. Оглядывается по сторонам и понижает голос. — Все знают. Ты та, на ком загорелась метка от того офицера. Который ушёл.

— Откуда вы... — я не успеваю договорить.

— У нас тут маленькая деревня, — она пожимает плечами. — Слухи распространяются быстро. Твой дракон — граф? Нет, он вроде офицер... Из рода Торнов, кажется. Его все боятся.

— Я не знаю, — говорю честно. — Я даже имени его не знаю. Я его почти не видела.

— Он не появлялся, — говорит Лиза. — Вообще. Другие женихи приходят, забирают своих невест, разговаривают, спят с ними в одной комнате... А ты одна.

— Спят вместе? — у меня перехватывает горло. — В одной комнате?

Лиза краснеет. Её веснушки становятся ещё заметнее на розовых щеках.

— Чтобы привыкали. Женихи должны нас обучать. Всеми, чему мы учимся на занятиях, они потом закрепляют с нами. Понимаешь?

Я не понимаю. Но киваю.

— А твой? — спрашиваю я. — Твой дракон? Ты говорила, его зовут...

— Граф Орлов, — Лиза вздыхает. — Он... ничего. Не страшный. Не старый. Мы разговаривали вчера вечером. Он принёс цветы.

— Цветы? — я не верю своим ушам. Драконы дарят цветы?

— Он сказал, что хочет, чтобы я не боялась, — Лиза смотрит в пол. — Что он не будет меня трогать, пока я сама не захочу. Что мы можем просто... привыкать друг к другу.

Я молчу. Я не знаю, что сказать. Мой дракон даже не пришёл. Мой дракон даже цветов не прислал. Мой дракон, наверное, уже забыл, что я существую.

— А твой? — Лиза поднимает на меня глаза. — Ты с ним говорила?

— Нет, — говорю я. — Он ушёл сразу, как загорелась метка. Я даже не знаю, как его зовут.

Лиза смотрит на меня с жалостью. Я ненавижу этот взгляд.

— Мне так даже лучше, — говорю я твёрдо. — Не нужно ни к кому привыкать. Не нужно никого бояться. Я сама по себе.

Лучше? Или обиднее? Я не знаю. Я сама не понимаю, что чувствую. Облегчение? Тоску? Страх? Всё вместе.

Дверь в большой зал открывается.

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба

Строптивая невеста для дракона

Diva

<https://litnet.com/shrt/W0YO>

Глава 8

— Заходим! — голос той самой сухой наставницы. — Садитесь по местам. Сегодня первый день. Будет трудно. Но вы справитесь.

Мы заходим. Зал большой — высокие окна, паркетный пол, ряды стульев. Впереди — доска и стол учителя. Мы рассаживаемся. Я сажусь рядом с Лизой. На стульях — подушки, мягкие. Я не привыкла к такому. Начинаются занятия.

Первое — этикет.

Учительница — та самая сухая женщина, которая привела меня вчера. Её зовут Амалия Викторовна. Она ходит перед нами с указкой, как надзирательница в тюрьме.

— Сидеть прямо, — говорит она. — Спина касается спинки стула, но не откидываться. Ноги вместе, чуть в сторону. Руки на коленях. Не класть локти на стол. Не крутить головой.

Я сижу как истукан. Спина затекает. Ноги немеют.

— Кланяться дракону нужно в зависимости от его ранга, — продолжает Амалия Викторовна. — Три вида поклонов. Первый — для высшей знати. Наклон головы, рука на груди, задержаться на три секунды. Второй — для равных. Простой наклон головы. Третий — для низших. Лёгкий кивок. Запомнили?

Мы хором киваем.

— Ульяна, покажи.

Я встаю. Делаю поклон. Ноги вместе. Рука на груди. Наклоняюсь.

— Не так, — Амалия Викторовна вздыхает. — Спина прямая, не сгибай поясницу. Ноги не расставляй. Глаза опущены, не смотри на дракона прямо. Ты невеста, а не торговка на рынке.

Я краснею. Слышу, как кто-то хихикает за спиной. Сжимаю кулаки. Делаю снова.

— Лучше, — говорит учительница. — Но не достаточно. Повторим десять раз.

Десять раз я кланяюсь пустому месту. Спина болит. Ноги трясутся. Но я делаю. Я не сдамся.

Второе занятие — танцы.

Мы переходим в другой зал — с зеркалами во всю стену, с паркетом, натёртым до блеска. У стен стоят стулья. В центре — учитель танцев. Мужчина лет пятидесяти, с седыми висками и постным лицом. Он смотрит на нас без всякого интереса.

— Вальс, — говорит он. — Базовое движение. Встаём в пары. У нас не хватает кавалеров, поэтому будете кружиться друг с другом. Но запомните: с драконом вы будете танцевать так же. Он ведёт. Вы — следуете.

Меня ставят в пару с Лизой. Я — мужчина, она — женщина. Я должна вести. Но я не умею. Я никогда не танцевала. В деревне были пляски, но это не вальс. Это — топанье ногами и хлопанье в ладоши.

— Раз-два-три, раз-два-три, — считает учитель. — Круг. Ещё круг. Ульяна, вы наступили партнёрге на ногу. Будьте осторожнее.

Я наступаю Лизе на ногу ещё раз и ещё. Она терпит, но я вижу, что ей больно.

— Извини, — шепчу я.

— Ничего, — шепчет она. — У меня тоже не сразу получилось.

Учитель вздыхает. С такой тоской, будто я отняла у него последнюю надежду на счастье.

Затем идет урок управления магией. Это самое странное. Учитель — лысый мужчина с густой чёрной бородой, в очках с толстыми стёклами. Он говорит тихо, но его слышно во всём зале. Голос у него — как труба.

— Вы — не просто жёны, — говорит он. — Вы — источники. Ваша магия питает магию вашего супруга. Без вас он слабеет. С вами — становится сильнее. Это великая честь.

Честь. Я чувствую себя дохлой коровой, из которой выкачивают молоко.

— Как мы отдаём магию? — спрашивает кто-то из девушек.

— Через прикосновение, — отвечает учитель. — Через близость. Через... — он кашляет.
— Через физическую связь. Чем ближе вы к супругу, тем сильнее поток.

Физическая связь. Я понимаю, о чём он и мне становится дурно.

— Не бойтесь, — говорит учитель. — Магия не отнимает жизнь. Она отнимает только лишнее. То, что вы всё равно не используете.

Я не верю.

Четвёртое занятие — кулинария и ведение дома. Кухня — огромная, светлая, с медными кастрюлями на стенах и длинными столами. Мы стоим у разделочных досок, перед нами — овощи, ножи, миски.

— Сегодня — суп, — говорит учительница, полная женщина с добрым лицом и быстрыми руками. — Каждая сварит свой суп. Потом будем пробовать.

Я улыбаюсь. Наконец-то то, что я умею! Мои руки помнят, как месить тесто, как чистить рыбу, и солить капусту. Я режу овощи быстро, ровно, красиво. Закидываю в бульон. Добавляю специи — на глаз, как учила мать. Учительница подходит ко мне, пробует.

— Хорошо, — говорит она. — Очень хорошо. Ты умеешь готовить.

— Да, — говорю я с гордостью.

— Но это неправильно, — продолжает она. — Ты должна не готовить, а управлять теми, кто готовит. Ты — хозяйка дома. Ты отдаёшь приказы. Ты пробуешь и одобряешь. Но не стоишь у плиты.

— А если я не умею отдавать приказы? — спрашиваю я.

— Научишься, — отрезает она и идёт к следующей девушке.

Но самое интересное занятие это «ублажение» жениха. Мы сидим в маленьком зале без окон. Две женщины в строгих тёмных платьях стоят перед нами. У них одинаковые причёски, одинаковые лица — серьёзные, напряжённые.

— Драконы — страстные создания, — говорит одна. — Их желание сильнее человеческого. Они чувствуют острее. Хотят сильнее.

— Ваша задача — не сопротивляться, — говорит вторая. — Ваша задача — угодить. Муж имеет право на жену в любое время. Это его природа.

— Если вам больно — терпите, — добавляет первая. — Если страшно — терпите. Со временем привыкнете.

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба

Отличница для драконов.

Мариэм Санди

<https://litnet.com/shrt/Pa1F>

Глава 9

Проходит неделя. Я учусь. Каждый день — как копия предыдущего. Семь утра — подъём, в восемь — занятия в большом зале. Затем обед, потом снова занятия. Ужин и тишина.

Тишина, в которой нет его шагов за дверью. И знаешь что? Я радуюсь.

Я радуюсь каждому утру, когда открываю глаза и понимаю — он не пришёл. Не пришёл ночью. Не стоял надо мной, пока я спала. Не трогал меня. Я радуюсь.

Потому что если он не приходит — значит, ему всё равно. А если ему всё равно — может, он откажется от меня? Может, его родные скажут: «Зачем тебе эта крестьянка? Найди другую». Может, зайдёт управляющая в мою комнату и скажет: «Ты свободна, Ульяна. Собирай вещи. Ты едешь домой».

Я жду этого дня и надеюсь на него. Молюсь всем богам, чтобы он наступил скорее. Но пока — я учусь.

Обучение идёт каждый день, кроме воскресенья. Шесть дней в неделю мы сидим в залах, слушаем учителей, запоминаем, повторяем, ошибаемся, нас ругают, мы плачем, мы снова учимся. Я ненавижу это, но я учусь.

Потому что если я когда-нибудь вернусь домой — эти знания не понадобятся мне. Но пока я здесь, я должна делать вид, что стараюсь. Должна быть удобной, чтобы не выделяться.

Я — серая мышь. Ничего не прошу, ни на что не жалуюсь. Меня почти не замечают и это прекрасно.

Амалия Викторовна — наша мучительница. Высокая, сухая, с седым пучком на затылке и вечно поджатыми губами. Она ходит между нашими стульями, как коршун, высматривая ошибки.

— Спина! — её голос хлещет, как кнут. — Ульяна, я кому сказала — спина прямая. Не горбись. Ты не старуха у печи.

Я выпрямляюсь, спина трещит.

— Ноги. Ноги вместе, чуть в сторону. Не раздвигай колени. Ты не в поле.

Я сжожу ноги.

— Глаза. Опusti глаза, не смотри на учителя в упор. Это неуважение.

Я опускаю глаза, смотрю в пол. В паркет, на свои ботинки.

— Хорошо. А теперь поклон. Дракон высшего ранга. Три вида помните? Ульяна, покажи.

Я встаю. Делаю шаг вперёд. Ноги вместе, рука на груди. Наклоняюсь — ровно настолько, чтобы показать уважение, но не унижение. Замираю на три секунды. Раз. Два. Три. Выпрямляюсь.

Амалия Викторовна смотрит на меня. Молчит, потом кивает.

— Приемлемо.

Это высшая похвала от неё. «Приемлемо». Не «хорошо». Не «отлично». Просто — приемлемо.

Я сажусь на место. Лиза сжимает мою руку под столом.

— Молодец, — шепчет она.

Я не чувствую себя молодцом. Чувствую себя дрессированной собакой, которая выучила новую команду.

Мы учимся кланяться. Три вида поклонов — для высших, для равных, для низших. Мы учимся сидеть за столом — какую вилку брать для рыбы, какую для мяса, как резать хлеб, чтобы не крошить. Мы учимся говорить — обращаться к драконам «милорд», к драконицам «леди», не сюсюкать, не тараторить, не повышать голос.

— Вы — украшение дома вашего супруга, — говорит Амалия Викторовна. — Ваша речь, ваши манеры, ваша осанка — всё должно говорить о благородстве. Даже если вы родились в хлеву.

Я чувствую, как краснею. Она смотрит на меня. Она знает. Она знает, что я из хлева, и хочет, чтобы я это помнила.

— Даже если вы родились в хлеву, — повторяет она, — вы должны вести себя как герцогиня. Потому что вы — жена дракона. А жена дракона не может быть свиньёй.

Я сжимаю кулаки под столом, ногти впиваются в ладони. Не плакать. Не показывать. Я — камень.

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба

Контракт без права отказаться

Даника Дива

<https://litnet.com/shrt/etve>

Глава 10

Зал с зеркалами, паркет. Учитель — господин Леопольд, старик с седыми усами и вечно недовольным лицом. Он играет на скрипке — плохо, фальшиво — и считает.

— Раз-два-три. Раз-два-три. Круг. Ещё круг. Ульяна, вы опять наступили партнёрше на ногу.

Моя партнёрша — Лиза. Она терпит, но я вижу, что ей больно.

— Извини, — шепчу я.

— Ничего, — шепчет она. — У меня тоже не сразу получилось.

Мы кружимся в вальсе. Самый простой танец, говорят. Самый лёгкий. Для меня — самый трудный.

Я не умею чувствовать ритм, не умею вести. Мои ноги путаются, юбка мешает, руки дрожат. Я боюсь упасть. Боюсь выглядеть глупо. Боюсь, что кто-то засмеётся.

Смеются. Не надо мной, над другой девушкой — Марией, высокой блондинкой из обедневших дворян. Она упала прямо посреди зала. Растянулась на паркете, как корова на льду.

— Встаньте, — говорит господин Леопольд без тени сочувствия. — Встаньте и продолжайте. Драконы не любят нытиков.

Мария встаёт. У неё покраснели колени, но она не плачет только кусает губу.

Я смотрю на неё и думаю: мы все здесь одинаковые. Дворянки и крестьянки, богатые и бедные, красивые и не очень. Все мы — товар. Все мы должны танцевать так, как скажут.

— Раз-два-три. Раз-два-три.

Я кружусь, считаю и запоминаю движения. Может, когда-нибудь это пригодится, но я надеюсь, что нет.

Самое странное занятие это управление магией. Учитель — Аркадий Борисович, лысый мужчина с густой чёрной бородой и очками в толстой оправе. Он говорит тихо, но его голос слышен в каждом углу зала. Магия, наверное.

— Вы — сосуды, — говорит он. — Пустые сосуды, которые наполнятся энергией вашего супруга. А потом вы будете отдавать эту энергию обратно. Это круговорот и обмен. Это — брак.

Я сижу и слушаю, я сосуд, пустой сосуду. Как банка для солений, блин.

— Чтобы отдавать магию, нужно расслабиться, — продолжает он. — Напряжение блокирует поток. Если вы боитесь — магия не течёт. Если вы злитесь — магия не течёт. Если вы сопротивляетесь — магия не течёт.

— А если мы не хотим, чтобы она текла? — спрашивает одна девушка. Тихая, с косичками, её зовут Полина.

Аркадий Борисович смотрит на неё долгим взглядом.

— Тогда вы будете бесполезны для вашего супруга, — говорит он. — А бесполезных жён... — он делает паузу. — В Академии не любят бесполезных.

Он не договаривает, но мы понимаем. Бесполезных жён возвращают обратно. А обратно — это в деревню. В позоре, нищете и с клеймом «не годна для дракона». Никто не хочет быть бесполезной.

Мы учимся расслабляться. Дышать. Открывать какой-то внутренний канал. Я ничего не чувствую, никакой магии и энергии. Только пустоту.

— У тебя ничего не получится, — шепчет Лиза на перемене. — Ты слишком напряжена.

— Я не умею иначе, — отвечаю я.

— Научись, — она сжимает мою руку. — Пожалуйста. Ради себя.

Я киваю, но внутри — пустота.

Самое страшное занятие это «ублажение жениха». Маленький зал без окон. Тусклый свет. Две женщины в строгих тёмных платьях. У них одинаковые причёски — тугие пучки. Одинаковые лица — без эмоций. Одинаковые голоса — без интонаций.

— Драконы — страстные создания, — говорит одна, та, что слева. Её зовут Лидия Петровна. — Их желание сильнее человеческого. Они чувствуют острее. Хотят сильнее.

— Ваша задача — не сопротивляться, — говорит вторая, справа. Её зовут Марья Семёновна. — Ваша задача — угождать.

— Муж имеет право на жену в любое время, — продолжает Лидия Петровна. — Это его природа. Вы не можете отказать. Вы не можете сказать «нет».

— Если вам больно — терпите, — добавляет Марья Семёновна. — Если страшно — терпите. Со временем привыкнете.

Я слушаю и сжимаю кулаки под столом. Ногти впиваются в ладони до крови.

— Некоторые драконы — нежные, — говорит Лидия Петровна. — Некоторые — грубые. Это зависит от их природы, от их магии, от их воспитания. Но вы должны принять любого.

— Вы должны стать для него сосудом, — говорит Марья Семёновна. — Не только магическим, но и физическим. Вы должны быть готовы отдать ему своё тело так же, как отдаёте магию.

Лиза сидит рядом, она бледная, как полотно. Её веснушки кажутся тёмными пятнами на белой коже. Она смотрит в стену пустыми глазами.

— После свадьбы вы принадлежите мужу. Полностью, и душой, и телом.

Я сжимаю кулаки сильнее, по ладони течёт тёплая кровь.

После занятий — ужин, а потом — свободное время. Девушки расходятся по комнатам, там их ждут их драконы. Кто-то идёт гулять в сад. Кто-то сидит в гостиной, читает книги, шьёт, вышивает.

Я сижу в своей комнате одна и смотрю на дверь. Она не открывается. Я надеюсь, что он не придёт. Что зайдёт управляющая и скажет: «Ты свободна, Ульяна. Собирай вещи». Но дверь молчит.

Я одна в этой огромной комнате, одна в этой Академии. Одна среди пятнадцати невест, у которых есть пары. Которые ходят со своими женихами, общаются с ними. Я же одна, и это прекрасно.

Правда!

Я не завидую Лизе, когда она уходит к своему графу Орлову с красными глазами и дрожащими губами. Не завидую Марии, когда её дракон — высокий брюнет с холодными глазами — берёт её за руку и уводит в её комнату, а она не смеет сопротивляться. Я не завидую никому, потому что пока его нет, я свободна.

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба

(не) строптивая невеста в оковах Дракона

Ксения Рябинина

<https://litnet.com/shrt/7Urt>

Глава 11

Неделя ада, которую я провёл в местной таверне на окраине столицы. Самой грязной, и самой дешёвой, где никто не задаёт вопросов и не смотрит на твоё лицо. Где можно пить в одиночестве, уставившись в стену, и никто не подойдёт, не спросит: «Что с тобой, командир?»

Я пил. Пил много. Пил так, как не пил никогда в жизни — даже после того, как потерял свой первый отряд в засаде на восточных рубежах. Даже после того, как смотрел в глаза умирающему другу и не мог ничего сделать.

Заливал в себя виски, ром, самогон — всё, что подавали. Я пытался забыть. Забыть тот миг, когда метка под левой ключицей вспыхнула огнём. Забыть тот страх, который исходил от неё. От той, двадцать первой.

Я даже не разглядел её толком. Серое платье, опущенная голова и чёрные волосы, стянутые в пучок. Ботинки, натёртые до дыр. Обычная. Ничем не примечательная.

Но метка загорелась!

Черт!

Проклятая, ненавистная, древняя магия вспыхнула в моей груди так ярко, что я чуть не задохнулся. Дракон внутри меня распахнул глаза. Потянулся. Зарычал.

Она. Она. Она.

Я чуть с ума не сошёл от шока и ужаса. От этого осознания, которое ударило меня под дых, как копыто взбесившейся лошади.

Проклятье!

Управляющий — тот сухой старик с бланком — смотрел на меня с надеждой. С дурацкой, противной надеждой, от которой меня тошнило.

— Лорд Торн? — спросил он, когда я поравнялся с ним. — Есть избранная?

Я остановился и сжал зубы так, что челюсть заныла. Метка горела. Жгла. Требовала вернуться, подойти к ней взять за руку и увести.

Нет!

— Двадцать первая, — сказал я тихо. Так тихо, чтобы никто не услышал, кроме старика. — Уведите её в комнату. Я... я разберусь позже.

Я ушёл. Вышел из Академии, не оглядываясь. Сел на коня, вонзил шпоры в бока так, что бедное животное всхрапнуло и рвануло с места.

Я скакал прочь по мостовой, по тракту, и лесной дороге — куда глаза глядят. Ветер свистел в ушах, волосы выбились из косы, хлестали по лицу. Конь выбивался из сил, но я гнал его снова и снова. Подальше. Подальше от этого места. От неё. От метки, которая жгла мою грудь, напоминая: она существует. Она есть. Она — моя истинная.

Я не хочу!

Я против!

Таверна «Усталый дракон» — ироничное название для места, где я пытался утопить свою драконью сущность в дешёвом виски. Комната на втором этаже, с проваленной кроватью и плесенью на стенах. Запах кислого пива и жареного лука из общего зала. Крики пьяных мужиков внизу.

Я сидел за столом, сжимал стакан обеими руками и смотрел на мутную жидкость. Виски. Тёмный, горький, обжигающий. Я пил его стаканами, не закусывая. Хотел сжечь изнутри эту проклятую метку, но не получалось.

Метка горела ярче, чем в первый день. Она пульсировала в такт сердцу, разгоняла кровь по венам, заставляла меня чувствовать... что? Её? Я не знал. Я не понимал. Магия истинных пар была для меня книжной выдумкой, пока она не вонзилась когтями в мою грудь.

В один из дней ко мне заходил хозяин таверны — толстый лысый мужик с подозрительным взглядом.

— Лорд, вы в порядке? — спросил он.

— Ещё виски, — ответил я.

— Может, вам полежать?

— Я сказал — виски!

Он принёс. Я выпил, а потом ещё и ещё. Бил кулаком в стену до крови, до трещин на костяшках.

Нет! Нет! Нет!

К концу недели я уже не понимал, где нахожусь. Мир качался, расплывался, дробился на куски. Я лежал на грязном полу, уставившись в потолок, и считал пятна плесени. Но метка всё равно горела. Она горела всегда, и никакое спиртное не могло её заглушить.

В один из дней дверь моей комнаты выбили с ноги. Я даже не пошевелился. Лежал на полу, не в силах поднять голову.

— Кассиан? — голос отца. — Встань!

— Иди к чёрту, — прохрипел я.

— Встань, я сказал!

Сильные руки схватили меня за плечи, подняли, поставили на ноги. Мир качнулся, я едва удержался.

— Ты воняешь, — сказал младший брат, Дэриан. Он смотрел на меня с отвращением. — Ты что, пил всё это время?

— Отвали, — я попытался оттолкнуть его, но руки не слушались.

— Посмотри на себя, — отец взял меня за подбородок, заставил поднять голову. — Ты офицер! Дракон! Глава рода! А выглядишь как последний бродяга.

— Мне плевать, — я выплюнул эти слова вместе с горечью во рту.

— А мне не плевать, — отец отпустил меня. — Приведи его в порядок, Дэриан. Через час мы едем домой.

Они меня отмыли. Оттерли грязь, переодели, насильно влили в меня какой-то отвар, который вернул способность соображать. Я сидел за столом в родительском доме, чистый, трезвый — но такой же пустой, как и неделю назад.

— У тебя есть истинная, — сказал отец.

— Была, — ответил я. — Я от неё отказался.

— Нельзя отказаться от истинной, — мать вошла в комнату. Её глаза блестели — от радости, чёрт возьми! Она радовалась! Чему? — Это магия, Кассиан. Она не спрашивает твоего согласия.

— А я спрашиваю! — я ударил кулаком по столу так, что подскочили тарелки. — Я не хочу жену! Не хочу истинную! Не хочу никого!

— Ты привыкнешь, — сказал отец спокойно.

— Не привыкну!

— Привыкнешь, — повторила мать. — Мы все через это проходили. Я тоже не хотела выходить за твоего отца. А теперь посмотри на нас — тридцать лет вместе, и я не представляю жизни без него.

— Вы не понимаете, — я встал из-за стола. — Я не хочу. Я. Не. Хочу.

— Ты поедешь в Академию, — отец тоже встал. Его голос не терпел возражений. — Ты найдёшь свою истинную. Ты будешь с ней общаться и ты женишься на ней!

— Или? — я усмехнулся. — Что будет, если я откажусь?

— Или я привяжу тебя к лошади и доставлю силой, — сказал отец. — Выбирай.

Вариантов у меня не было. Либо сам еду в Академию. Либо они везут меня туда силой. Я поехал сам.

Глава 12

Академия встретила меня тишиной, потому что было уже за полночь. Луна висела низко, заливая мраморные ступени молочным светом. Я поднялся на крыльцо, толкнул тяжёлую дверь. Внутри — пусто.

Управляющий — тот самый сухой старик — встретил меня в вестибюле. Он, кажется, не удивился. Смотрел на меня поверх очков с тем выражением, которое я ненавидел — смесью сочувствия и превосходства.

— Лорд Торн, — он поклонился. — Мы вас ждали.

— Где она? — спросил я. Голос звучал чужим, хриплым.

— Ваша истинная отдыхает, — старик поправил очки. — Она уже неделю живёт в вашей общей комнате. Правила Академии, вы знаете. Жених и невеста делят одно помещение. Для сближения.

Для сближения? Я чуть не расхохотался в голос. Мы с ней — две чужие, злые, напуганные души. Какое, к чёрту, сближение?

— И где эта комната? — спросил я.

— Третий этаж. Вторая дверь по коридору. Ваш ключ.

Я кивнул, взял тяжёлый бронзовый ключ из его руки. Не поблагодарил и пошёл.

Лестница скрипела под моими шагами. Третий этаж. Коридор — длинный, с канделябрами на стенах. Свечи почти догорели, оплывший воск застыл бледными каплями. Только лунный свет пробивался сквозь высокие окна, вычерчивая на паркете серебристые прямоугольники.

Вторая дверь. Я остановился. Стоял и смотрел на неё — на эту чёртову дверь из тёмного дерева с бронзовой ручкой. За ней — она. Та, двадцать первая. Моя истинная.

Я даже имени её не знал до сегодняшнего вечера, Ульяна. Простое имя крестьянское. Не дворянское и теперь это чертово имя будет звучать в моей голове каждый день. Каждую ночь.

Что я скажу ей? Как войду?

«Здравствуй, я твой дракон. Я буду спать в одной комнате с тобой, потому что так приказали правила».

Провёл рукой по лицу, пальцы дрожали, не от страха — от бешенства. От бессилия. От того, что моя жизнь больше не принадлежит мне.

Чёрт! За что мне это?

За что?

Я не просил об истинной. Я не искал её. Я прекрасно жил один. У меня была война, отряд под командованием, которые слушались каждого моего слова. У меня была свобода — делать что хочу, идти куда хочу, не отчитываясь ни перед кем. У меня была тишина. Холодная, удобная, предсказуемая тишина.

А теперь? Теперь эта девушка — крестьянка, которую я даже не разглядел толком — привязана ко мне магией. Навсегда. До самой смерти! Мы будем делить одну комнату, одно пространство. Черт!

Метка под ключицей горела. Сейчас, здесь, стоя у нашей общей двери, она пылала так сильно, что я чувствовал жар даже через плотную ткань мундира. Она пульсировала в такт сердцу. Она требовала войти, увидеть её и быть рядом.

— Заткнись, — прошептал я своей метке. — Заткнись, слышишь?

Я поднял руку и замер в сантиметре от двери.

Постучать? Или войти без стука? Это моя комната. Наша комната. Я имею право войти. Но она там и она спит. Она, наверное, не ждала меня. Думала, что я не вернусь. Может, даже

надеялась на это. Так же, как я надеялся, что метка ошибается. Я опустил руку. Сжал кулак. Разжал.

— Трус, — сказал я сам себе. — Ты трус, Кассиан. Ты смотрел в глаза смерти. А боишься войти в собственную комнату.

Да. Боюсь. До жути боюсь. Черт!

Я сунул ключ в замочную скважину, повернул. Щелчок замка прозвучал как выстрел в тишине коридора. Дверь открылась.

Комната — большая, светлая, с огромной кроватью под балдахином. Горит камин — дрова почти прогорели, угли тлеют, отбрасывая красноватый свет на стены. Пахнет лавандой и розами — духами, наверное, и ещё чем-то другим. Чем-то живым. Чем-то, что заставило мою метку вспыхнуть с новой силой. Её запах!

Она спала на кровати, свернувшись калачиком, укрывшись одеялом почти с головой. Чёрные волосы разметались по подушке — длинные, густые, блестящие в свете углей. Лицо я видел наполовину — бледная щека, тёмные ресницы, приоткрытые губы.

Она была красивой. Чёрт возьми, красивой. Не той кричащей, накрашенной красотой, которой блистали дворянки на балах. А другой, настоящей.

Я стоял на пороге, сжимая в руке ключ, и смотрел на неё. Метка горела так, что, казалось, сейчас проживёт дыру в мундире.

Она пошевелилась, вздохнула во сне. Повернулась на другой бок, и одеяло сползло, открывая плечо в тонкой шёлковой рубашке с кружевами.

Я должен был что-то сделать. Войти в комнату, закрыть дверь и разбудить её. Сказать хоть что-то. Но я стоял как истукан.

— Ты не можешь стоять на пороге всю ночь, — сказал я сам себе шёпотом. — Заходи или уходи, но не стой.

Я сделал шаг, потом второй. Дверь за моей спиной закрылась сама — сквозняк потянул, и она с глухим стуком встала на место. Щелчок замка, теперь мы заперты вместе.

Она вздрогнула и открыла сонные глаза. Секунду она смотрела, не понимая, кто перед ней. Потом узнала, и её лицо изменилось — страх смешался с ненавистью, а ненависть — с чем-то ещё, чего я не смог прочесть.

— Вы, — прошептала она. — Вы... вы вернулись.

— Я живу здесь, — сказал я. Голос прозвучал грубее, чем я хотел. — По правилам Академии жених и невеста делят одну комнату.

Она села на кровати, натягивая одеяло до подбородка. Её глаза сверкали в темноте.

— Вы ушли, — сказала она. — Вы даже не обернулись. Вы не хотели меня. Зачем вы вернулись?

— Потому что у меня нет выбора, — ответил я. — Как и у вас.

— Я знаю, что у меня нет выбора, — её голос дрогнул. — Но вы могли бы... вы могли бы не приходить. Оставить меня здесь одну. Я была одна целую неделю, и мне было хорошо. Я не хочу вас видеть, не хочу с вами жить, не хочу быть вашей женой.

— А я не хочу быть твоим мужем, — сказал я. — Но мы оба не свободны. Метка — это цепь и она на нас обоих.

Она отвернулась. Сжала одеяло так, что побелели костяшки.

— Уходите, — сказала она в стену. — Пожалуйста! Уйдите! Я не могу... я не могу смотреть на вас.

— Не могу, — ответил я. — Это моя комната. Наша комната. Я буду здесь спать. Это... это требование Академии.

Она не ответила. Только сжалась ещё сильнее, став маленькой, беззащитной, похожей на испуганного зверька. Я стоял посреди комнаты, чужой, неуклюжий, злой, и не знал, что делать дальше.

Чёрт бы побрал эту Академию!

Я снял мундир, повесил на спинку стула. Снял сапоги и поставил их у двери. Сходил умылся холодной водой.

Она не смотрела на меня. Отвернулась к стене и лежала неподвижно, но я знал, что она не спит. Её дыхание было слишком частым, слишком неровным.

В комнате был диван обитый бархатом. Я взял с кровати одну подушку — она не возразила, только вздрогнула, когда я приблизился — и лёг на диван. Он был слишком коротким. Мои ноги свисали с подлокотника. Но это было лучше, чем лежать рядом с ней.

Я закрыл глаза, но метка продолжала гореть. И никакой диван, никакое расстояние не могли её заглушить.

— Спокойной ночи, — сказал я в темноту.

Тишина, я уже думал, что она не ответит.

— Не смейте со мной разговаривать, — сказала она. — Не смейте.

Я усмехнулся. Зло. Горько.

— Как скажешь, — ответил я.

Завтра начнётся новая жизнь. Жизнь, в которой я сплю на диване, а моя невеста ненавидит меня. Жизнь, которой я не просил.

Хочу познакомить вас с одним из авторов нашего литмоба

Строптивая для братьев-драконов

Анна Айдарова

https://litnet.com/shrt/qc_z

Глава 13

Утро началось с того, что в дверь постучали. Я уже не спал. Не спал всю ночь — диван оказался жёстким, коротким и невыносимо неудобным. Мои ноги свисали с подлокотника, шея затекла, плечо занемело. Но дело было не в диване. Дело было в ней.

Она спала на кровати под балдахином, свернувшись калачиком, и я слышал её дыхание. Ровное, тихое, спокойное. Ей, в отличие от меня, удалось уснуть. Или она просто притворялась — я не знал. Метка горела всю ночь. Пульсировала, разгоняла кровь, не давала сомкнуть глаз. Я лежал в темноте, смотрел в потолок и считал минуты до рассвета. Стук в дверь прозвучал как освобождение.

— Войдите, — сказал я, садясь на диване. Голос прозвучал хрипло — я не пил ничего с вечера, в горле пересохло.

Дверь открылась. Вошла девушка в белом переднике служанка, с подносом в руках. Запах свежего хлеба, жареного мяса и кофе ударил в нос, и мой желудок предательски заурчал.

— Завтрак для господ, — она поставила поднос на стол у камина, быстро оглядела комнату — меня, диван, потом кровать, где под одеялом замерла Ульяна. В её глазах мелькнуло любопытство, но она ничего не сказала. Поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь.

Я встал. Потянулся спина предательски хрустнула. Подошёл к столу. На подносе были две тарелки, два прибора, два стакана с соком, две чашки кофе. Всё парное. Всё для двоих. Я взял свою тарелку, свой кофе.

— Приятного аппетита, — сказал я, даже не глядя в её сторону. Просто бросил эти слова в пространство комнаты, чтобы выполнить формальность. Чтобы не быть полным хамом.

Она не ответила. Я поднял глаза. Ульяна сидела на кровати, прижимая одеяло к груди. Её чёрные волосы спутались за ночь, глаза — огромные, тёмные, с красными прожилками — смотрели на меня с тем же выражением, что и вчера. Ненависть. Страх. И что-то ещё, чего я не мог разобрать. Тарелка стояла перед ней. Она даже не притронулась.

— Ешь, — сказал я. — Тебе нужно есть.

— Я не голодна, — ответила она. Голос — холодный, твёрдый. Как лёд.

— Как хочешь, — я пожал плечами.

Я быстро проглотил завтрак — почти не чувствуя вкуса. Кофе обжёг язык, но я не обратил внимания. Надел мундир застегнул пуговицы. Заплел волосы в косу — наспех, кое-как, лишь бы не мешались.

Она всё сидела на кровати, не двигаясь. Смотрела в окно. Светало. Серое осеннее утро вползало в комнату, делая всё бледным, нереальным.

— Я ухожу, — сказал я.

Она не ответила.

— Ты слышишь меня? — спросил я.

— Слышу, — тихо сказала она. — Иди.

Я вышел в коридор.

Свобода!

Чистый воздух. Тишина без её запаха, без её дыхания, без этой проклятой метки, которая сходила с ума от близости.

Я сделал несколько шагов к лестнице. Потом ещё. Потом ускорился. Мне нужно было убраться отсюда. Выйти из Академии. Сесть на коня и уехать. Куда угодно — в таверну, в поместье, на край света. Подальше от неё.

— Лорд Торн!

Голос резкий, как удар хлыста, я замер. Из-за угла вышла наставница. Высокая, сухая, с седым пучком на затылке, Амалия Викторовна, если я не ошибаюсь. Она смотрела на меня

поверх очков, и в её глазах не было ни капли уважения к моему титулу, к моему роду, к моим боевым заслугам. Для неё я был просто очередным женихом. Очередным драконом, который должен пройти обучение.

— Лорд Торн, — повторила она, приближаясь. — Вы куда это собрались?

— По делам, — сказал я. — Личного характера.

— Личного характера? — она усмехнулась. У неё была неприятная улыбка. — У вас нет личных дел, лорд Торн. Вы в Академии. У вас есть невеста. У вас есть занятия. Обязательные занятия.

— Какие занятия? — я с трудом сдерживал раздражение.

— Для мужчин, — она кивнула куда-то в сторону левого крыла. — Лекции. Практикумы. Обучение.

— Чему меня там обучат? Я офицер. Чему вы можете меня научить?

— Тому, как обращаться с женщиной, — сказала она спокойно. — Как сделать её послушной. Как подавить её волю и подчинить себе.

Я смотрел на неё, не веря своим ушам.

— Что?

— Вы слышали, лорд Торн, — она поправила очки. — Женщины существа капризные, своенравные, опасные. Особенно такие, как ваша невеста, из крепостных. Она не обучена послушанию. Не знает своего места. Ваша задача — научить её. Но сначала вы должны научиться сами.

— Научиться чему? — я почти рычал. — Давить? Подчинять? Вы с ума сошли?

— Я абсолютно в здравом уме, — Амалия Викторовна не дрогнула. — Академия существует не только для невест. Женихи тоже проходят обучение. Вы должны знать, как управлять своей будущей женой. Как сделать её удобной. Как сломать её сопротивление.

— Я не буду никого ломать, — сказал я.

— Вы будете, — она шагнула ко мне. — Или вы хотите, чтобы она командовала вами? Чтобы ваша истинная управляла вашей жизнью, вашим домом, вашим родом? Вы дракон, лорд Торн. Вы хищник. А она добыча. Не перепутайте роли.

Я сжал кулаки. Метка под ключицей вспыхнула от гнева или от того, что она упомянула Ульяну, я не понял.

— И куда мне идти? — спросил я сквозь зубы.

— Лекционный зал №3. Второй этаж. Начало через десять минут. Не опаздывайте, лорд Торн. За опоздания наказывают.

Она развернулась и ушла. Цок-цок-цок — её каблуки застучали по паркету, удаляясь.

Я стоял в коридоре, сжимая и разжимая кулаки. Чушь. Полная, идиотская, бессмысленная чушь.

Мои солдаты шли за мной в огонь и воду, потому что уважали меня, а не потому что я их давил и подчинял. А здесь мне предлагали учиться обращаться с женщиной, как с вражеским пленным?

Я хотел развернуться и уйти. Спуститься по лестнице. Выйти из Академии, сесть на коня и уехать к чёртовой матери.

Но отец и мать, их слова. «Мы привяжем тебя к лошади и доставим силой». Они не шутили. Они сделают это и тогда будет только хуже.

Я пошёл. Лекционный зал №3. Второй этаж. Дверь была открыта, я вошёл.

Внутри сидело пять мужчин. Драконы — я чувствовал по запаху, по ауре, по тому, как они держались. Молодые, мои ровесники или чуть младше. Все в дорогой одежде, с надменными лицами. Женихи. У каждого — своя невеста где-то в Академии.

Они посмотрели на меня, когда я вошёл. Кто-то с любопытством, кто-то с безразличием, кто-то с вызовом.

— О, Торн, — сказал один. Блондин, с короткой стрижкой, с холодными голубыми глазами. — А мы думали, ты не придёшь. Говорили, ты сбежал от своей истинной.

— Говорили неправду, — ответил я, садясь на стул у стены. — Я здесь.

— И как тебе твоя крестьянка? — усмехнулся другой. Рыжий, веснушчатый, с наглой улыбкой. — Говорят, она дурнушка и плачет всё время.

— Не твоё дело, — отрезал я.

Рыжий хотел что-то сказать, но в этот момент в зал вошёл учитель. Мужчина лет сорока, плотный, с короткой стрижкой и тяжёлой челюстью. Одет в строгий чёрный костюм, на груди значок Академии. Он оглядел нас с таким видом, будто мы были провинившимися щенками.

— Меня зовут Григорий Андреевич, — сказал он. — Я буду вести у вас курс «Управление истинной парой». Курс обязательный. За непосещение — отчисление из Академии и расторжение помолвки с позором для рода.

Он сделал паузу, давая нам прочувствовать.

— Расторжение помолвки это позор, — повторил он. — Ни одна уважающая себя драконья семья не примет в невесты девушку, от которой отказались. И ни один уважающий себя дракон не получит новую истинную после того, как бросил старую. Вы здесь чтобы научиться удерживать свою пару. Сделать её послушной. Покорной и удобной.

Я сидел, сжав зубы.

— Женщины, — продолжал Григорий Андреевич, расхаживая по залу, — слабы. Эмоциональны. Не способны к логическому мышлению. Они руководствуются чувствами, а не разумом. Поэтому с ними нельзя договариваться. Их нельзя уговаривать. Их нужно ставить на место.

Он остановился напротив меня.

— Лорд Торн. Ваша невеста — крестьянка. Она не знает своего места. Она будет сопротивляться. Она будет плакать. Она будет пытаться сбежать. Ваша задача — сломать её.

— Сломать? — я поднял на него глаза. — Вы сказали «сломать»?

— Да, — он кивнул. — Сломать. Лишить её воли. Сделать так, чтобы она боялась ослушаться. Боялась перечить. Боялась смотреть на вас без разрешения.

Большого бреда я в своей жизни не слышал. Я смотрел на этого человека — на его тяжёлую челюсть, на его холодные глаза, на его уверенную позу — и чувствовал, как во мне закипает ярость. Я видел, как ломают людей в плену и на допросах под пытками. И это не имело ничего общего с тем, что должно быть между мужем и женой. Но я молчал. Я сидел, сжав кулаки под столом, и делал вид, что мне очень интересно.

— Метка истинной пары, — продолжал Григорий Андреевич, — даёт вам власть над ней. Она чувствует вашу боль, ваш гнев. Она не может вам сопротивляться — её тело, её магия, её инстинкты подчиняются вам. Вы должны научиться использовать эту власть.

— А если она сопротивляется? — спросил рыжий.

— Наказывайте, — ответил учитель. — Лишайте её еды. Лишайте сна. Лишайте тепла. Лишайте общения. Она быстро поймёт, что покорность — это единственный способ выжить.

Я смотрел в окно. За стеклом — серое небо, голые деревья, падающие листья. Я думал об Ульяне. О том, как она сидела на кровати, прижимая одеяло к груди, и смотрела в окно. О том, как она не притронулась к завтраку. О том, как она сказала: «Я не голодна».

Она боялась. Она была напугана. Она была одна в чужом месте, среди чужих людей, привязанная магией к чужому дракону, который её не хотел. А меня учили, как сделать её ещё более несчастной.

— Лорд Торн, — голос Григория Андреевича вырвал меня из мыслей. — Вы меня слушаете?

— Да, — сказал я. — Внимательно.

— Повторите, что я сказал о физическом наказании.

— Физическое наказание допустимо, если не оставляет следов, — сказал я механически.
— Следы вызывают вопросы. Вопросы — слухи. Слухи — позор для рода.

— Хорошо, — учитель кивнул. — Вижу, вы усваиваете.

Я усваивал, усваивал, что этот человек чудовище. Что эта Академия — чудовище. Что вся эта система — чудовище. Но я улыбнулся. Вежливо и сдержанно.

— Когда следующее занятие? — спросил я.

— Завтра, в это же время, — сказал Григорий Андреевич. — Будем говорить о магическом подавлении воли.

Я кивнул. Встал. Выходя из зала, я чувствовал на себе взгляды других женихов. Кто-то смотрел с уважением — я задавал вопросы, я слушал, я кивал. Кто-то — с подозрением.

Им не нужно было знать, что происходит у меня в голове. Я вышел в коридор. Остановился у окна. Провёл рукой по лицу.

— Что ты теперь будешь делать, Кассиан? — спросил я сам себя.

Глава 14

Я вышел из аудитории первым. Воздух в коридоре казался чище, хотя пахло всё теми же свечами, лаком для мебели и почему-то кислыми духами наставницы — этой Амалии Викторовны, которая смотрела на нас так, будто мы были провинившимися щенками. Я глубоко вдохнул и выдохнул, пытаясь вытряхнуть из головы тот бред, который нам вдалбливали последний час.

«Женщины слабы. Эмоциональны. Не способны к логическому мышлению».

«Их нельзя уговаривать. Их нужно ставить на место».

«Метка даёт вам власть. Используйте её».

Я провёл рукой по лицу, как будто мог стереть эти слова с кожи. Они прилипли. Липли к сознанию, как паутина — тонкие, противные, липкие. Я чувствовал себя грязным после этой лекции. Грязным и злым.

Сзади зашаркали шаги. Парни выходили следом — кто-то потягивался, разминая затёкшую спину, кто-то громко зевал, не прикрывая рта, кто-то сразу достал портсигар из внутреннего кармана сюртука и щёлкнул зажигалкой. Табачный дым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.